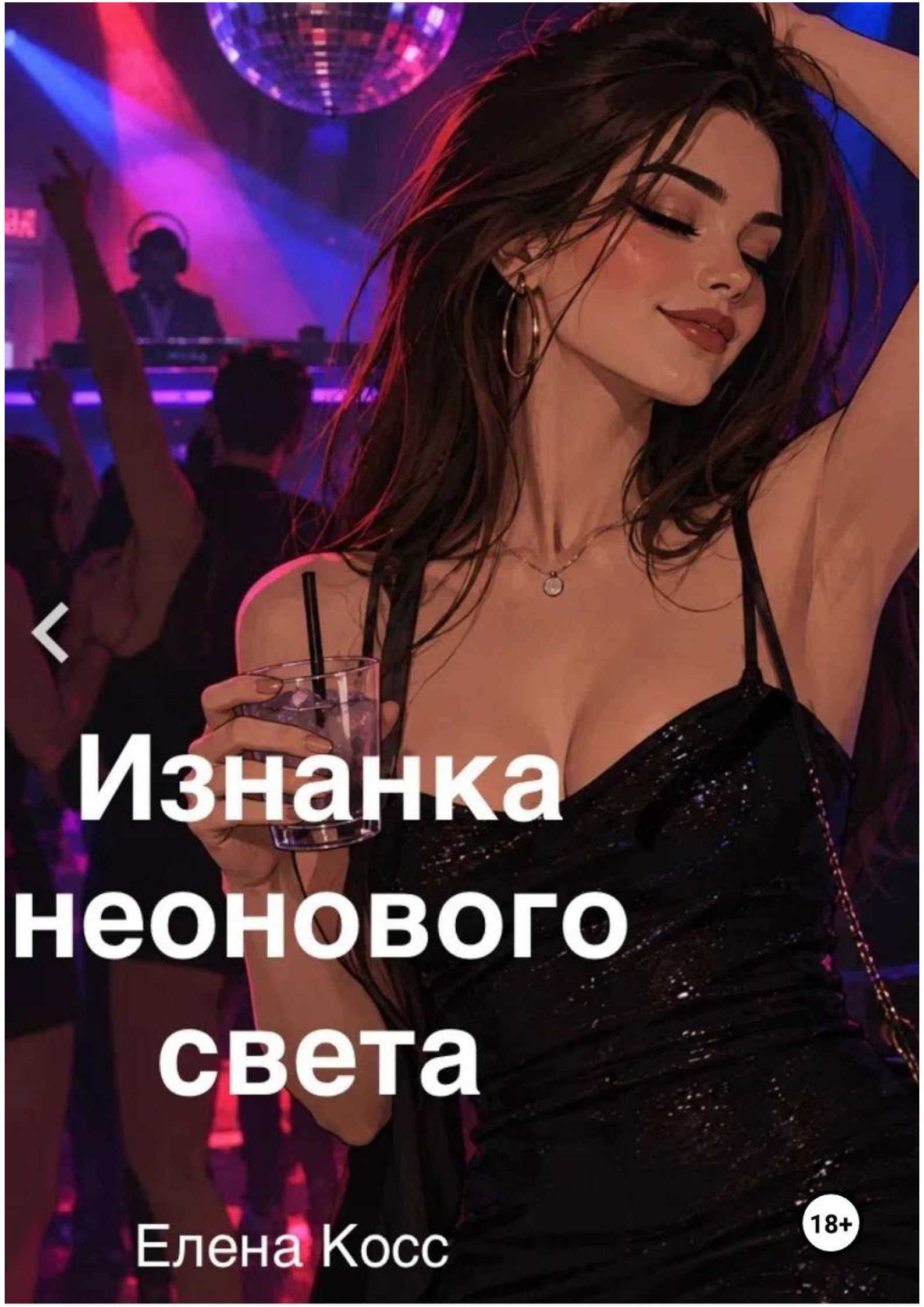

<

Изнанка неоновового света

Елена Косс

18+

Елена Косс

Изнанка неонового света

«Автор»

2026

Косс Е.

Изнанка неонового света / Е. Косс — «Автор», 2026

Она отчаянно нуждается в деньгах и устраивается на самую тяжелую работу
— посудомойщицей в элитный ночной клуб

© Косс Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Елена Косс

Изнанка неоновомого света

Глава 1

Вспышка. Тьма. Вспышка. Тьма.

Снаружи клуб «Инферно» казался филиалом рая для тех, у кого были лишние стодолларовые купюры. Неоновые вывески резали полумрак осеннего города, дорогая музыка вибрировала в груди каждого, кто переступал порог, а аромат дорогого парфюма и элитного алкоголя дурманил голову.

Но здесь, в цокольном этаже, куда не заглядывали гости, «Инферно» пах совсем по-другому. Он пах хлоркой, прокисшим пивом, мокрыми сигаретными окурками и дешевым мылом.

Майе было двадцать два года, и последние четыре часа она не поднимала головы от огромной промышленной раковины. Её руки, некогда аккуратные, с тонкими пальцами, теперь горели от едкой химии, несмотря на резиновые перчатки. Вода была горячей, почти обжигающей, а пар поднимался к потолку, превращая тесную посудомоечную зону в филиал чистильщика.

— Шевелись, новенькая! — крикнул пробегающий мимо официант, с грохотом вываливая на металлический стол очередную гору стеклянных бокалов для виски и фужеров. — Наверху аншлаг. Если бар останется без чистого стекла, бармен с тебя шкуру спустит.

Майе даже не ответила. У нее просто не было сил. Ей до безумия нужны были эти деньги — оплатить съемную комнату и закрыть долги, которые остались после внезапной болезни матери. Выбирать не приходилось. Когда в агентстве ей предложили ночные смены в «Инферно», она согласилась не раздумывая. Ей казалось: «Подумаешь, просто мыть посуду». Она не знала, что эта работа выжимает человека досуха.

Она методично терла стекло, смывая следы дорогой помады и чужого веселья. Мышцы спины ныли так, словно по ним проехали катком. Музыка сверху доносилась глухими, тяжелыми ударами, от которых виски сдавливало невидимым обручем.

Вдруг шум кухни и привычная суэта официантов словно замерли. Это произошло не мгновенно, но атмосфера в помещении резко изменилась. Воздух стал тяжелым, почти осязаемым. Официанты, которые секунду назад матерились и толкались у раздачи, выпрямились и притихли.

Майе, утирая со лба пот тыльной стороной предплечья, краем глаза заметила, как входная дверь из коридора распахнулась.

В посудомоечный блок вошел мужчина.

Высокий, в безупречно скроенном темном костюме без галстука. Расстегнутый ворот белой рубашки обнажал жесткую линию шеи. Его волосы были коротко подстрижены, а черты лица словно высечены из гранита — резкие, хищные, не прощающие ошибок. Это был Марк Воронов. Владелец «Инферно» и еще половины теневого заведений этого города. О его тяжелом, почти тираническом характере среди персонала ходили легенды. Говорили, что он не прощает оплошностей и видит людей насквозь.

Он шел в сопровождении начальника охраны, лениво осматривая помещение. Его взгляд — холодный, сканирующий, колющий — скользил по испуганным лицам персонала.

Майе замерла, сжимая в руках мокрый бокал. Ей бы отвернуться и продолжить работу, раствориться в серой массе, но какая-то глупая, первобытная сила заставила её посмотреть прямо на него.

Воронов остановился посреди кухни. Его взгляд зацепился за нее. Одинокая тонкая фигура у огромной раковины, растрепанные волосы, выбившиеся из пучка, и испуганные, но неестественно огромные на бледном лице глаза.

Пару секунд они смотрели друг на друга. Майе показалось, что глухие удары музыки наверху полностью исчезли, уступив место оглушительному стуку её собственного сердца. В его глазах не было жалости или интереса — там была лишь холодная, оценивающая требовательность человека, который привык владеть всем, на что падает его взор.

— Кто это? — резко, отрывисто спросил Воронов, не оборачиваясь к управляющему, но указывая взглядом на Майю. Голос у него был низкий, с хрипотцой, от которой у девушки по спине пробежал мороз.

— Новенькая, Марк Игоревич, — тут же подобострастно отозвался старший смены. — Взяли на посуду. Работает первый день. Если что-то не так, мы сейчас же...

— Пусть работает, — перебил Воронов, оборвав его на полуслове.

Он еще раз посмотрел на Майю. Медленно, сверху вниз, словно фиксируя каждую деталь её уязвимого положения. В этом взгляде была странная, подавляющая сила, которая заставила девушку внутренне сжаться от необъяснимого страха — и одновременно от какого-то жгучего, пугающего любопытства.

Развернувшись на каблуках, владелец клуба вышел так же стремительно, как и появился. Воздух на кухне снова пришел в движение, официанты зашумели, но Майя так и осталась стоять, глядя на закрывшуюся дверь. Её пальцы дрожали, и она едва не выронила бокал обратно в воду.

Она еще не знала, что этот короткий, резкий взгляд перечеркнул её прежнюю жизнь. И что человек, который только что вышел, станет её личным персональным адом.

Глава 2

Прошла неделя. «Инферно» стал для Майи привычным, хоть и изматывающим кошмаром. Ночные смены слились в бесконечную череду грязного стекла, обжигающей воды и гудящих от усталости ног. Каждый раз, возвращаясь в свою полупустую съемную комнату на окраине на рассвете, она давала себе слово дотерпеть до первой зарплаты и уйти. Но долги сами себя не закрывали.

Марка Воронова за эти дни она видела лишь мельком — пару раз его дорогая машина парковалась у служебного входа, и персонал буквально вжимался в стены, освобождая ему дорогу. Он правил своим клубом как личной империей: жестко, безжалостно, не прощая малейших задержек или халатности. Майя старалась быть невидимкой, надеясь, что тот странный взгляд в её первую смену был просто случайностью.

Она ошиблась.

Было около трех часов ночи — самый пик клубного безумия. Наверху гремели басы, а на кухне стоял привычный хаос. Майя несла огромную, тяжелую стопку только что вымытых и натертых до блеска дорогих фужеров к стеллажу выдачи. Руки после нескольких часов работы в мыльной воде были скользкими, а усталость свинцовым грузом давила на плечи.

В этот момент дверь кухни резко распахнулась. Один из официантов, оглядываясь назад и явно куда-то торопясь, влетел внутрь спиной вперед.

Майя попыталась уклониться, но было поздно. Парень с размаху задел её плечом.

Стопка хрустала накренилась. Девушка отчаянно попыталась удержать равновесие, но мокрые пальцы соскользнули. С оглушительным, звонким грохотом десятки фужеров рухнули на кафельный пол, разлетаясь на тысячи сверкающих осколков. Кухня мгновенно затихла. Шеф-повар замер с ножом в руках, официанты испуганно переглянулись.

— Ты что, дура, ослепла?! — прошипел парень, испуганно глядя на стеклянное месиво у своих ног. — Ты хоть знаешь, сколько стоит один этот фужер из чешского стекла? Это моя недельная зарплата!

— Я... я не хотела, ты сам наткнулся, — пролепетала Майя, опускаясь на колени и пытаясь голыми руками собрать самые крупные осколки. Сердце колотилось в самом горле. За такой ущерб её могли не просто уволить без расчета, но и заставить отработывать долг месяцами.

— Что здесь происходит?

Этот низкий, холодный голос заставил всех присутствующих буквально заledenеть.

У входа на кухню стоял Марк Воронов. Сегодня он был без пиджака, рукава белоснежной рубашки были небрежно закатаны до локтей, обнажая жилистые руки. Его лицо выражало абсолютное, леденящее спокойствие, которое пугало гораздо сильнее любого крика.

Старший смены тут же подлетел к нему, бледнее на глазах: — Марк Игоревич, простите, несчастный случай... Новенькая не удержала поднос. Мы всё уберем, вычтем из её...

— Вон, — негромко, но с такой силой произнес Воронов, что спорить никто не посмел. — Все вон из помещения. Живо.

Поваров и официантов словно сдуло ветром. Они протискивались в узкие двери, стараясь даже не дышать в сторону хозяина. Уже через полминуты на огромной кухне остались только двое: Марк, возвышающийся посреди зала, и Майя, сидящая на корточках среди хрустальных обломков.

Она не поднимала глаз, продолжая судорожно собирать стекло. Острый край одного из осколков полоснул по указательному пальцу. Майя тихо вскрикнула, на пол капнула алая кровь, смешиваясь с прозрачным хрусталем.

Вдруг перед ней показались мысы его безупречно начищенных туфель.

— Встань, — скомандовал Воронов. В его голосе не было и капли сочувствия. Только резкая, подавляющая требовательность.

Майя медленно поднялась, прижимая раненую руку к груди. Ей пришлось сильно закинуть голову, чтобы посмотреть ему в лицо — он был намного выше. Его темные глаза изучали её с каким-то жестким, почти садистским любопытством. Он словно получал удовольствие от того, как сильно она его боится.

— Ты знаешь, сколько стоит этот сет? — спросил он, сделав шаг вперед. Он подошел так близко, что Майя почувствовала тонкий аромат его дорогого парфюма с нотами табака и кожи. Этот запах почему-то заставил её голову кружиться.

— Я... я отработаю. Пожалуйста, не увольняйте меня, мне очень нужны деньги, — ее голос дрожал, в глазах стояли слезы.

Воронов протянул руку. Его длинные, сильные пальцы жестко перехватили её запястье. Хватка была настолько крепкой, что Майя тихо ойкнула, но он даже не подумал ослабить давление. Он повернул её ладонь вверх, разглядывая порез, из которого продолжала сочиться кровь.

— Отработаешь? — на его губах появилась холодная, хищная усмешка, от которой по телу девушки пробежала волна непонятной, пугающей дрожи. — На этой должности ты будешь отрабатывать эти бокалы до конца года, девчонка.

Он наклонился к самому её уху, так что она ощутила его горячее дыхание на своей коже.

— У меня суровые правила. Я не люблю криворуких. Но я могу сделать для тебя исключение... если ты примешь мои условия.

Майя затаила дыхание. В его резком тоне, в этой болезненной хватке на запястье и в его пугающей близости было что-то, что парализовало её волю. Она должна была возмутиться, вырваться, закричать, но вместо этого лишь завороченно смотрела в его обжигающие, темные глаза, чувствуя, как внутри зарождается странное, противоестественное подчинение.

Глава 3

Марк продолжал держать её за запястье. Его пальцы, сухие и горячие, сжимали кожу достаточно крепко, чтобы Майя чувствовала его абсолютное физическое превосходство, но не настолько сильно, чтобы оставить синяки. Это была выверенная, дозированная сила человека, который точно знал, как подчинять себе чужую волю.

Капля крови из порезанного пальца Майи соскользнула вниз и упала прямо на манжет его безупречно белой рубашки, оставив маленькое бурое пятно. Девушка испуганно охнула и попыталась отдернуть руку, но Воронов лишь сильнее зафиксировал её запястье, даже не взглянув на испорченную ткань. Его внимание было полностью приковано к её лицу — к тому, как дрожали её ресницы, как часто вздымалась её грудь под дешевой форменной футболкой.

— Ты дрожишь, — негромко констатировал он. В его голосе не было издевки, скорее холодный, почти научный интерес хищника, наблюдающего за загнанной в угол добычей. — Боишься меня?

— Вы делаете мне больно, — тихо, едва слышно произнесла Майя, пытаясь найти в себе остатки гордости. Вода на кухне продолжала шуметь в раковине, создавая глухой белый шум, отделяющий их от остального мира.

Марк на секунду прищурился, а затем медленно, нарочито плавно разжал пальцы. Но он не отступил ни на шаг. Он остался стоять в её личной зоне комфорта, заставляя Майю буквально вжиматься спиной в металлический стеллаж для посуды.

— Боль — это понятие относительное, девчонка, — Воронов убрал руки в карманы брюк, и его осанка снова стала надменной и расслабленной. — Давай посчитаем. Стоимость разбитого хрустала — это примерно три твоих месячных оклада. Плюс простой работы бара, который сейчас ждет посуду. Я могу уволить тебя прямо сейчас, запереть в кабинете с моей службой безопасности и потребовать выплаты до копейки. Как думаешь, через сколько дней твоя жизнь превратится в ад?

Майя сглотнула подступивший к горлу ком. Логика Марка была убийственной. У нее не было заступников, не было денег даже на адвоката, а репутация Воронова в городе не оставляла сомнений: он мог уничтожить её карьеру и жизнь одним звонком. Стокгольмский синдром, который еще не имел названия в её голове, уже начинал пускать первые корни — ей казалось, что, разговаривая с ней лично, а не отдавая охране, он проявляет к ней высшую степень милосердия.

— Что... что вы хотите от меня? — спросила она, глядя на его жесткие, четко очерченные губы.

— Начиная с завтрашнего дня, ты больше не работаешь на кухне, — отрывисто произнес Марк, и в его глазах промелькнул опасный огонек. — Твой ручной труд здесь окончен. Ты переходишь в мой личный офис на верхнем этаже. Будешь выполнять обязанности моего персонального ассистента в ночные смены. Приносить документы, следить за графиком встреч, подавать кофе. И делать всё, что я сочту нужным в рамках управления этим заведением.

Майя нахмурилась, чувствуя подвох. — Но я ничего не смыслю в управлении клубами. И я... я обычная студентка, которая...

— Мне плевать, кто ты, — резко перебил её Марк, и его голос мгновенно заледенел, возвращая прежнюю жесткость. — Я не привык повторять дважды. Ты будешь сидеть на виду, под моим контролем, пока не отработаешь каждый цент из того, что сегодня разбила. Твоя зарплата будет выше, но и спрос будет другим. Если ты опоздаешь хоть на минуту, если хоть один документ будет лежать не так — пеняй на себя. Я умею быть очень убедительным, когда меня разочаровывают.

Он сделал шаг назад, наконец давая ей возможность вдохнуть полной грудью. Атмосфера психологического давления немного разрядилась, но Майя уже чувствовала себя связанной по рукам и ногам. Самое страшное было в том, что где-то глубоко внутри, под слоем панического страха, ворочалось странное, запретное чувство облегчения. Её заметили. Сам хозяин этого неоновых королевства выдернул её из грязи и тяжелого труда кухни, пусть даже сделал это в своей неподражаемой, грубой и авторитарной манере.

— Я согласна, — тихо ответила Майя, опуская голову.

— Я и не сомневался, — хмыкнул Воронов. Он повернулся спиной и направился к выходу с кухни. У самой двери он остановился, не оборачиваясь. — Завтра в десять вечера жду тебя в своем кабинете. Надень что-нибудь приличное. Терпеть не могу неряшливость. И обработай палец. Мне не нужны сотрудники, которые истекают кровью на рабочем месте.

Дверь за ним захлопнулась с глухим стуком. На кухню тут же нерешительно начали возвращаться бледные повара и шеф-повар, с опаской поглядывая на Майю. Они смотрели на нее так, словно видели призрака — никто не ожидал, что после гнева Воронова кто-то может остаться невредимым.

Майя подошла к аптечке, достала пластырь и перевязала палец. Сердце всё еще колотилось, как сумасшедшее. Она понимала, что шагает в ловушку, где правила игры устанавливает человек с каменным сердцем и деспотичным характером. Но пути назад уже не было.

Глава 4

Верхний этаж «Инферно» разительно отличался от шумного танцпола и душной, пахнувшей хлоркой кухни. Здесь царила оглушительная, почти стерильная тишина, сквозь которую едва уловимым, басовым эхом пробивался ритм снизу. Коридор был обшит панелями из дорогого темного дерева, а под ногами лежал плотный ковер, полностью скрадывающий шаги.

Майя стояла перед массивной двойной дверью кабинета Марка Воронова, чувствуя себя так, словно пришла на собственную казнь. Она выполнила его приказ: нашла в своем скромном гардеробе строгое черное платье чуть выше колен и аккуратно собрала волосы. Ладони были влажными от волнения, а палец, заклеенный пластырем, до сих пор неприятно поднывал.

Она глубоко вздохнула и нерешительно постучала.

— Зайди, — донесся из-за двери резкий, отрывистый голос.

Майя толкнула тяжелую створку и переступила порог. Кабинет Воронова был огромным. Панорамные окна выходили на залитый неоновыми огнями ночной город. Интерьер сочетал в себе холодный минимализм и брутальную роскошь: кожаные диваны, массивный стол из цельного куска черного мрамора и мягкий, приглушенный свет.

Марк сидел в кресле, просматривая какие-то бумаги на планшете. На нем была простая черная водолазка, которая подчеркивала его широкие плечи и крепкое телосложение. Услышав шаги, он поднял голову. Его сканирующий, холодный взгляд медленно скользнул по фигуре Майи, задерживаясь на деталях. Девушке показалось, что под этим взором она оказалась абсолютно обнаженной. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение, но оно тут же сменилось привычной жесткостью.

— Пунктуальна. Это хорошо, — Марк отложил планшет и поднялся. Он подошел к бару, стоявшему в углу, и налил в тяжелый стакан немного виски. — Твое рабочее место — вон тот малый стол у входа. Там лежит папка с контрактами поставщиков алкоголя за последние три месяца. Твоя задача — сверить цифры в бумажных накладных с электронной базой данных. Найдешь расхождения — сразу докладываешь мне.

— Хорошо, Марк Игоревич, — тихо ответила Майя, направляясь к указанному месту.

— И еще одно, — его голос заставил её замереть на полпути. Воронов повернулся к ней, покачивая стакан с янтарной жидкостью. — Забудь это официальное обращение. Здесь, за закрытыми дверями, для тебя я просто Марк. Но упаси тебя бог назвать меня так при подчиненных или гостях клуба. Ты поняла?

— Да... Марк, — с трудом выдавила она из себя его имя, чувствуя, как внутри всё сжимается от странного, запретного трепета.

Она села за стол и углубилась в работу. Часы тянулись медленно. Майя очень старалась не делать ошибок, понимая, насколько высока цена любой оплошности. Воронов почти не обращал на нее внимания: он делал резкие, короткие звонки, отдавал приказы начальнику охраны и вел себя как абсолютный диктатор своей империи. Его манера общения с людьми была пугающей — он не просил, он приказывал, не допуская даже мысли об отказе.

Около двух часов ночи в кабинет без стука вошли двое мужчин. По их дорогой, но излишне броской одежде и тяжелым взглядам Майя сразу поняла: это были опасные люди из криминального мира города, с которыми Воронов вел дела.

— Выйди, — бросил Марк, даже не взглянув на Майю.

Она послушно поднялась и поспешила к выходу, но у самой двери услышал резкий, наглый голос одного из вошедших: — Ого, Марк, обзавелся новой игрушкой? Симпатичная мышка. Могу я одолжить её на вечер?

Майя замерла от ужаса, её сердце пропустило удар. Она обернулась и увидела, как мужчина с сальной усмешкой смотрит на нее.

Лицо Марка Воронова мгновенно переменилось. Спокойствие исчезло, уступив место хищной, первобытной ярости. Он сделал один стремительный шаг вперед и схватил гостя за грудки, с такой силой прижав его к стене, что зазвенели бокалы на баре.

— Еще раз ты посмотришь в её сторону или откроешь свой грязный рот, — прошипел Марк прямо в лицо ошеломленному мужчине, и его голос вибрировал от настоящей угрозы, — и ты вылететь отсюда не через дверь, а через это панорамное стекло. Она — моя. Всё, что находится в этом клубе — мое. Ты усвоил урок?

Мужчина, бледнея, судорожно кивнул. Марк брезгливо оттолкнул его, поправил рукава и снова повернулся к двери, где стояла потрясенная Майя.

— Я сказал: выметайся в коридор, — уже спокойнее, но всё так же жестко приказал он ей.

Майя выскочила в коридор и прижалась спиной к прохладной стене. Ее всю трясло, но это была не просто паника. Внутри нее происходил страшный, разрушительный ментальный сдвиг. Вместо того чтобы ужаснуться дикой вспышке насилия со стороны своего босса, она чувствовала... защищенность. «Он заступился за меня», — думала она, полностью игнорируя его слова «Она — моя». Её сознание, травмированное страхом и долгами, начало судорожно искать оправдания его резкости. Ей казалось, что под этой маской жестокого монстра скрывается благородный защитник, который просто вынужден быть сильным в этом жестоком мире.

Стокгольмский синдром сделал свой первый, самый уверенный шаг. Она уже начала оправдывать своего мучителя.

Глава 5

Прошло около получаса, прежде чем тяжелые двери кабинета снова распахнулись. Двое визитеров вышли бледные, поспешно направляясь к лифту и даже не глядя в сторону Майи. Вслед за ними на пороге появился Марк. В полумраке коридора его силуэт казался огромным и угрожающим.

— Зайди, — бросил он и, не дожидаясь ответа, повернулся и пошел обратно к своему столу.

Майя на неслушающихся ногах вернулась в кабинет. В воздухе всё еще отчетливо пахло адреналином, дорогим табаком и едва уловимым шлейфом чужого страха. Она подошла к своему рабочему месту, собираясь сесть и продолжить сверку документов, чтобы заглушить внутреннюю дрожь, но голос Воронова остановил её.

— Подойди ко мне.

Она подчинилась. Шаг за шагом она приближалась к его массивному мраморному столу. Марк сидел, откинувшись на спинку кожаного кресла, и крутил в руках дорогую перьевую ручку. Его взгляд, лишенный недавней ярости, теперь был глубоким, изучающим и пугающе спокойным.

— Ты испугалась, — это был не вопрос, а утверждение.

— Да, — честно призналась Майя, опустив глаза. — Те люди... они выглядели опасными. Спасибо, что... что заступились.

Марк издал короткий, сухой смешок, от которого у нее по коже побежали мурашки. Он поднялся со своего места и неторопливо обошел стол, остановившись в паре шагов от нее.

— Не обманывай себя, Майя, — его голос звучал мягко, но в этой мягкости сквозила сталь. — Я заступился не за тебя. Я защищал свою собственность. Тот подонок решил, что может посягнуть на то, что принадлежит мне, прямо в моем кабинете. Никто не имеет права брать то, что я считаю своим. Запомни это раз и навсегда.

Эти слова должны были отрезвить её, должны были напугать, но исковерканное страхом восприятие Майи сработало иначе. В её сознании, отчаянно ищущем безопасности, фраза *«принадлежит мне»* трансформировалась в иллюзию абсолютной защиты. Если она принадлежит этому всемогущему человеку, значит, никто в этом мире больше не сможет причинить ей вреда. Она добровольно соглашалась на роль его вещи, лишь бы не чувствовать себя беззащитной.

Марк подошел еще ближе. Он протянул руку и коснулся пальцами её подбородка, заставляя поднять голову и посмотреть ему прямо в глаза. Его прикосновение было властным, не допускающим сопротивления. Его большой палец медленно, с нажимом провел по её нижней губе.

— У тебя слишком говорящее лицо, — тихо сказал он, наклоняясь так близко, что его дыхание обжигало её щеку. — На нем написан весь твой страх, весь твой восторг и вся твоя глупость. Ты думаешь, что разглядела во мне что-то хорошее? Ошибаешься. Во мне нет ничего хорошего, мышка.

Майя затаила дыхание. Сердце колотилось так сильно, что ей казалось, Марк слышит его стук. Ей хотелось бежать, вырваться из этой удушающей, гипнотической близости, но тело словно налилось свинцом. Опасное, болезненное притяжение, которое он излучал, парализовало её разум. Она чувствовала себя птицей, замороженно смотрящей в глаза удаву.

— Завтра у клуба выходной, — Марк резко отпустил её подбородок, отчего Майя покачнулась, теряя опору. Он вернулся к своему столу, мгновенно меняя тон на деловой и холодный. — Но не для тебя. В восемь вечера за тобой приедет моя машина. Ты поедешь со мной на

закрытый благотворительный ужин. Мне нужен ассистент, который будет держать мои документы и делать вид, что умеет слушать.

— Но у меня нет подходящей одежды для таких мероприятий... — растерянно произнесла девушка.

— Об этом позаботятся. Курьер привезет всё необходимое в твою каморку завтра в полдень, — отрезал Воронов, садясь в кресло и снова утыкаясь в планшет. — А теперь возвращайся к работе. Сверка контрактов сама себя не сделает. Свободна.

Майя молча повернулась и пошла к своему столу. Её руки дрожали, когда она открывала очередную папку. Она понимала, что Марк Воронов медленно, шаг за шагом, затягивает удавку на её шее. Он изолировал её, подчинял своей воле и диктовал каждый шаг. Но самое страшное заключалось в том, что внутри нее больше не было протеста. Ловушка его внимания захлопнулась, и Стокгольмский синдром окончательно взял бразды правления над её разумом. Она уже ждала завтрашнего вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.